

УДК 1 (091)

СИСТЕМНОСТЬ КЧР
И СИСТЕМА КАНТА (IV)¹

Л. А. Калинин*

Завершается анализ системности «Критики чистого разума», которая служит опорой всей системы, созданной великим кёнигсбергским философом. Рассматривается место и роль трансцендентальной диалектики (она занимает в «Критике чистого разума» более половины всей книги) в Кантовой методологии науки и целой системе критицизма. Относительно традиционных гносеологических теорий это был совершенно новый дополняющий их раздел, связанный с пониманием знания как непрерывно развивающегося процесса, проходящего через научные революции. Для конституирования синтетических суждений а priori необходим выход за пределы наличного знания в стихию возможного опыта, а здесь разум сталкивается с антиномиями. Дана критическая оценка взглядов Карла Ясперса на познавательные возможности трансцендентально-диалектического разума.

Доказывается, что трансцендентальная диалектика обеспечивает системную целостность философии Канта, предоставив ему возможность создать трансцендентальную философию, выходящую за пределы как вульгарно-механистического эмпиризма, так и трансцендентного догматизма.

Ключевые слова: трансцендентальная диалектика, трансцендентный догматизм, эмпирически-имманентистский скептицизм, антиномизм, трансцендентализм, трактовка Ясперсом сверхчувственного как взрывающего систему момента, трансцендентальное единство мира.

«Трансцендентальная диалектика» завершает «Трансцендентальное учение о началах». Кант возлагает на этот совершенно новый раздел гносеологии ответственные функции. По сути дела, именно здесь становится возможным ответ на сакраментальный вопрос философской методологии научного познания: «Как возможны синтетические суждения а priori?» Возможно ли и как возможно расширение действительного, уже наличного, знания

¹ Продолжение, начало см.: *Кантовский сборник*. 2015. №3 (53). С. 7–21; №4 (54). С. 8–16; 2016. №1 (55). С. 7–15.

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию: 03.06.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-3-1

©Калининков Л. А., 2016

после того, как все доступные нашей непосредственной чувственности факты окажутся описанными, расклассифицированными, рассортированными, занесенными в соответствующие реестры и рубрики, иными словами, возможен ли принципиально новый опыт, многократно увеличивающий первый и получаемый лишь *опосредствованными разумом рациональными мерами*? Вынуждены мы ограничиться только опытом, данным исключительно нашей физиологической чувственности, или необходимо иметь дело и с опытом, являющимся результатом многократно опосредствованной деятельности *продуктивного воображения*, руководимого регулятивными принципами разума, как сущностного свойства нашего сознания?

Все эти вопросы возникают как следствие, вызванное вопросами еще более кардинальными и направляемыми нашими высшими и конечными целями: предоставляет ли мир, где мы пребываем, возможность совершенствовать свою жизнь? можно ли осознанно направлять нашу жизнь к достижению этих целей? Иными словами, можно ли управлять своей историей, творить ее?

Не только желание, но и возможность дать положительный ответ на последние вопросы упирается в необходимость признания системности мира, его системного единства, в котором мы сами — всего лишь один из элементов, существующих по общесистемным законам. Но если так, то общесистемными законами мира не могут быть законы механики, механистические законы, поскольку не только человек, но и вообще все живое существует в соответствии с законами *телеологическими*, целевыми законами. А эти телеологические законы — значительно более общие, нежели механистические; они содержат в себе законы механистические как свой *частный случай*. Кант впервые мыслит на основе *принципа соответствия*, еще не зная, разумеется, что именно так этот принцип будет назван в XX веке. Правда, как философ он мыслит на основе значительно более универсального принципа — *принципа иерархичности* многоуровневой, или (лучше) бесконечноуровневой, системности *законов мира*, рассмотренного Кантом именно в разделе «Трансцендентальная диалектика» «Критики чистого разума».

Все это, разумеется, предполагает, что, работая над «Критикой чистого разума», Кант уже располагал идеями «Телеологической способности суждения», составившей вторую часть «Критики способности суждения», увидевшей свет только в 1790 году. На основе телеологических законов построены все Кантовы формулы категорического императива², философ использовал эти законы в 1785 году в «Основах метафизики нравов», в 1788 году в «Критике практического разума»; но и в самой «Критике чистого разума» имеется доказательство этого тезиса хотя бы уже тем, что среди категорий рассудка в группе отношения имеется категория *взаимодействия* причины и следствия, то есть *телеологический* принцип детерминизма, совершенно необходимый для присутствия *свободы* в мире.

Доказательству принципа материального системного единства мира на основе принципа иерархичности его законов, достичь чего без трансцендентальной диалектики было бы совершенно невозможно, и посвящена «Критика чистого разума». Гносеологическая модель, в ней разработанная, обеспечивает возможность достижения *высшего блага* и конечной цели че-

² См.: Калинин Л. А. Категорический императив и телеологический метод // Кантовский сборник. Калининград, 1988. Вып. 3. С. 25—38.

ловечества как *царства целей*, показывая, как совершенствуется мир явлений, расширяясь и углубляясь по мере познания мира вещей в себе, что и выступает *условием* достижимости конечной цели. Условия эти используются практическим разумом как *технически-практическое* средство реализации цели, если, конечно, при этом следовать *морально-практическим* принципам.

8. Карл Ясперс о познавательных возможностях Кантова теоретического разума

Кант сумел преодолеть серьезные теоретические препятствия, встающие на пути разработки системы, опирающейся на принцип материального единства мира, использовать который в философском построении без обращения к диалектике антиномий разума невозможно. Однако критики его системы как в прошлом, так и в настоящем считают эти препятствия абсолютно непреодолимыми, а антиномичность разума — лучшим тому подтверждением. Кажется им, что нет никакой возможности согласовать *дуализм* человеческого социального бытия с *абсолютным монизмом* мира как целого. Можно ли моральный закон усмотреть в звездном небе? Может ли диалектика быть оправдана формальной логикой?

Не один раз Кант указывал своим критикам на умение обращаться с принципом целостности, с принципом системного единства мира. Легче всего (Кант называл это *ленивой философией*) рассуждать, что мир образует единый причинный ряд явлений, однако есть в нем причина, находящаяся вне ряда. Интерпретатор часто даже не считает нужным хотя бы заштопать такого рода дыры в своих рассуждениях.

В какой-то мере такова и позиция Карла Ясперса по отношению к Канту, явно отказывающая кенигсбергскому философу не только в последовательности его системы, но даже в самом наличии таковой.

В чем причина подобной слепоты? Ясно, что она в изначальной установке. А поводов к ней можно найти много. Один из них состоит в том, что Ясперс не видит принципиального различия между антиномиями космологической идеи чистого теоретического разума, которых, согласно Канту, четыре, и собственно антиномией теоретического разума, которая, разумеется, единственна, как и соответствующие антиномия практического разума или антиномия эстетического вкуса. Антиномии космологической идеи, аналогичный им паралогизм психологической идеи и идеал чистого теоретического разума теологической идеи — это частные логические противоречия, где выражается сама антиномия теоретического разума, образуемая тезисом *догматизма* и антитезисом *скептицизма*. Кант дал Ясперсу определенные основания к этой подмене основополагающей антиномии «Критики чистого разума» антиномиями космологической идеи, поскольку он не эксплицировал основную антиномию первой «Критики», как сделал это в двух последующих. Обобщенная форма антиномии теоретического разума постоянно имеется Кантом в виду, но логическая формула ее как явное и явленное противоречие тезиса — утверждение относительно абсолютной познаваемости мира — и антитезиса — полное отрицание познаваемости его — представлена лишь противопоставлением выражающих ее терминов *догматизм* и *скептицизм*.

Антетичность теоретического разума есть для Канта сущность и результат всей истории философии. В итоговом трактате «О вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской академии наук в 1791 году: какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа» Кант во введении пишет: «Итак, три стадии должна была пройти философия для целей метафизики. Первой стадией был догматизм, второй — скептицизм, третьей — критицизм чистого разума» (Кант, 1966, с. 185), образующие тезис, антитезис и синтезис антиномии теоретического разума.

Антиномическая природа познающего разума проявляется в идеях как совершенно особых понятиях, преодолевающих границы не только действительного опыта всей системы наличного знания, но и опыта вообще, всего возможного опыта, — как понятиях, способных разорвать все связи с опытом вообще и оказаться за пределами реальности, обратившись в *ничто*.

Вот эту предельную ситуацию, в которой может оказаться теоретический разум, вырвавшийся за пределы природного мира и пытающийся оперировать, во-первых, *понятиями, противоречащими реальности* (ничто в первом смысле), и, во-вторых, *понятиями, противоречащими себе* (ничто во втором смысле), и имеет в виду К. Ясперс, что его вполне и устраивает: антиномии теоретического разума (фактически же это антиномии космологической идеи!) способны привести разум в тупик, сделать его не имеющим смысла. Диалектика теоретического разума негативна; наука на пределе своих возможностей приводит мир к *ничто*, обращает его в пустоту. То, что теоретический разум способен на стадии критицизма находить из познавательных тупиков выход, способен разрешать антиномические ситуации, и в этом основная его функция, остается без внимания. Антитегика теоретического разума, как пишет Кант, «вводит его в искушение или предаться безнадежному скептицизму, или усвоить догматическое упрямство и упорно защищать определенные утверждения, не прислушиваясь к доводам противников и не воздавая им справедливости. И то и другое означает смерть здоровой философии, хотя первый случай все же можно было бы назвать *эвтаназией* чистого разума» (Кант, 1964, с. 390–391; В 434).

Эта уступительная оговорка Канта относительно скептицизма, который «можно было бы назвать *эвтаназией* чистого разума», не есть простое случайное замечание, как бы попутное и вовсе не обязательное. Догматизм, с точки зрения Канта, — несомненная и очевидная смерть философии, ибо это отказ от философствования, внеразумное повторение определенного тезиса, в который надо только верить, что для разума противоестественно; тогда как скептицизм — естественная, то есть природная, характеристика людей, смертных, а не Богов, *рода смертных*. Эвтаназия — свойство, присущее смертному, человеческое свойство. Именно такова исконная этимология древнегреческого *θνητός*, ее Кант и имеет в виду. Догматизм, следовательно, может умереть вместе с догматиками, а скептицизм — только вместе с человечеством. Не случайно свой антиномический метод, предлагающий решение антиномий теоретического разума, Кант предлагает определять как *скептический*: «Этот метод можно назвать *скептическим*. Он совершенно отличен от *скептицизма*, от принципа искусного и ученого невежества, подрывающего основы всякого знания, чтобы по возможности нигде не оставить ничего достоверного и надежного в знании. В самом деле, скептический метод имеет своей целью достоверность, пытаясь отыскать в спо-

ре, ведущемся с обеих сторон честно и с умом, то, что вызывает недоразумение, чтобы подобно мудрым законодателям из затруднений, которые испытывают судьи в юридических процессах, извлечь для себя урок относительно того, чего в их законах не хватает и что в них не точно. <...> Однако этот скептический метод неотъемлемо присущ только трансцендентальной философии» (Кант, 1964, с. 401–402; В 452). Так заканчивает диалектическую характеристику данного метода Кант, удостоверяя, что только он его вводит и впервые использует. Давид Юм разбудил его «от догматической дремоты», замечал Кант, но сам остался скептиком, полностью отвергнувшим догматизм: «... он не представил себе всей своей задачи в целом, а наткнулся лишь на одну ее часть, которая, если не принимать в соображение целое, не может доставить никаких данных для решения» (Кант, 1965, с. 74); нужна опора на обе части антиномии сразу, вместе, так как нужен *синтетический* акт мышления.

Но в таком же точно положении, как и Давид Юм, оказывается Карл Ясперс, всячески уклоняющийся от синтеза, только и обеспечивающего *единство мира*, в отличие от Юма Ясперсу вовсе не нужное. Синтетические акты сознания он подменяет поочередностью актов аналитических: «Поскольку этот метод (метод антиномий. — Л. К.) поочередно приводит к успеху обе стороны, правым всегда оказывается тот, за кем остается последнее слово» (Ясперс, 2014, с. 102). Христианский экзистенциалист, с одной стороны, уверяет, что «Кант со всей решительностью дал антиномиям *решение*» (Ясперс, 2014, с. 107), а с другой — видит это решение в том, чтобы как можно более далеко развести тезисы и антитезисы антиномий, строжайшим образом отделить эмпирическое от трансцендентального, что противоречит настойчивым интенциям Канта.

Цитируя Канта, Ясперс подчеркнуто выделяет противоречия тезиса и антитезиса, пропуская в приводящихся фрагментах Кантова текста все, что прямо или косвенно говорит об их относительности, то есть *единстве мира*, поскольку Ясперс имеет в виду *антиномию космологической идеи*, рассматривающие противоположные предикаты именно *природного мира как целого* в качестве субъекта противоречащих суждений. Решение антиномий Кантом заключается не в том, чтобы как можно дальше развести тезис и антитезис по двум различным мирам, а показать, напротив, что как тезис, так и антитезис характеризуют одно и то же свойство мира (например, его пространственно-временную структуру или детерминизм), но рассматриваемое *в разных отношениях* к различным фрагментам этого, то есть того же самого и единственного, мира или к фрагментам, с одной стороны, или миру как целому — с другой. Решение антиномии — всегда *синтез*, оно предполагает вклад, привносимый как тезисом, так и антитезисом.

Весьма поучителен в этом отношении Кантов анализ слова (и понятия) *абсолютный*, связанного с самою сутью разума. Рассуждая о его смысле, он отмечает, что «утрата его не может не нанести большой ущерб всем трансцендентальным исследованиям» (Кант, 1964, с. 356; В 380–381). Оно само включает в себе два противоположных смысла и, значит, антиномично. О первом Кант пишет: «Слово *абсолютный* часто употребляется теперь просто для того, чтобы показать, что нечто имеет отношение к какой-нибудь вещи, рассматриваемой *в себе*, следовательно, *внутренне*. В этом смысле слова *абсолютно возможный* обозначали бы то, что возможно само по себе (*interne*), что в действительности есть *наименьшее* из того, что можно сказать

о каком-нибудь предмете. С другой стороны, то же слово иногда употребляется, чтобы показать, что нечто действительно во всех отношениях (неограниченно, как, например, абсолютное господство), и в этом смысле выражение *абсолютно возможный* обозначало бы то, что *возможно* со всех точек зрения и *во всех отношениях*; а это *наибольшее* из того, что можно сказать о возможности вещи» (Кант, 1964, с. 356 – 357; В 381).

Самое меньшее, что можно сказать о предмете, — это назвать его вещью в себе или нечто, то есть образовать мысль о нем, и, помимо этой мысли, данное нечто есть ничто. Однако ничто и возможное во всех отношениях, абсолютно возможное, представляют собою строгие синонимы, поскольку среди всех отношений непременно будут противоречащие, а противоречивое невозможно согласно первому постулату эмпирического мышления вообще, поскольку противоречит *формальным условиям опыта*. И то, и другое Кант относит к «умствующим понятиям (*conceptus ratiocinantes*)» (Кант, 1964, с. 348; В 368) и противопоставляет «правильно выведенным понятиям (*conceptus ratiocinati*)» (Кант, 1964, с. 348; В 368).

«Умствующие понятия» — это понятия-ноумены, которыми разум оперирует сам по себе и в себе, не прибегая к помощи рассудка и, следовательно, категорий; такие понятия *трансцендентны*, и для Канта это означает, что они не имеют никакого отношения к реальности, что они только мыслимы разумом, но в действительности пусты. Трансцендентное у Канта — не некая иная реальность, якобы пребывающая за пределами *природной* реальности, а пустое бесплодное измышление разума, абсолютно оторвавшегося от всякой связи с опытом. Мир един, и нет ничего за природным миром. «Абсолютная целокупность условий есть понятие, не применимое в опыте, — пишет Кант, — потому что никакой опыт не бывает безусловным» (Кант, 1964, с. 358; В 383). «Правильно выведенные понятия» — тоже ноумены, но такие, которые не утрачивают связи с возможным опытом; при их выведении всегда участвует рассудок со своими категориями. Именно правильно выведенные понятия трансцендентальны, тогда как умствующие — трансцендентны: «...объективное применение чистых понятий разума всегда *трансцендентно*, между тем как объективное применение чистых рассудочных понятий по своей природе всегда должно быть *имманентным*, так как оно ограничено только возможным опытом» (Кант, 1964, с. 358; В 383).

Чтобы пояснить эти размышления Канта, я прибегну к примеру, экземплифицирую ситуацию. Движение и покой в качестве абсолютных свойств мира образуют антиномию разума. Как абсолютное движение есть трансценденция, аристотелевская форма форм или Бог действов, так и абсолютный покой — такая же трансценденция, Бог квиетистов или буддийская нирвана. И то и другое суть, без сомнения, умствующие понятия, пустые ноумены. Правильно же выведенным понятием из данной антиномии будет понятие *инерциальной системы отсчета*, принявшее во внимание рассудочную относительность как движения, так и покоя. Это понятие — пример трансцендентальности в смысле Канта, так как, будучи разумно-рассудочным, оно остается в границах возможного опыта. Не раз уже это понятие послужило науке, раздвинув границы действительного опыта.

У Канта и самого есть выразительный пример по этому поводу, связанный с проблемой паралогизма чистого разума, то есть проблемой, принадлежащей рациональной психологии, но рассмотренный уже только в «Критике способности суждения» — почти десять лет спустя после написа-

ния «Трансцендентальной диалектики». Речь идет о том, «находится [ли душа] в отношении к *возможным* предметам в пространстве»? (Кант, 1964, с. 370; В 402). Иначе говоря, может ли душа существовать без тела в качестве самостоятельной субстанции или нет? Как осуществляется эта связь между душой и телом? Не есть ли эта связь предустановленная гармония? И философ дает решение этой антиномии-проблемы в своей трансцендентальной психологии: душа есть «принцип жизни в материи», одушевленная материя (Кант, 1964, с. 371; В 403), поскольку всякая материя — это пространственно организованная субстанция (одна из предикабилей). «Думать, что есть чистые мыслящие без тела духи в материальной вселенной (если, как это и следует, отклоняют некоторые выдаваемые за духов действительные явления), — значит фантазировать; — пишет он, — и это вовсе не предмет мнения, а только идея, которая остается, если от мыслящего существа отнять все материальное и оставить ему только мышление. Но мы не можем знать, действительно ли в таком случае остается мышление (ведь мышление мы знаем только у людей, то есть в соединении с телом)». — И Кант возвращается к «Трансцендентальной диалектике»: «Такая вещь есть *сущее от умствования* (ens rationis ratiocinantis), а не *сущее из разума* (ens rationis ratiocinatae)» (Кант, 1965, с. 506—507). Это означает, что как понятие души без тела, так и понятие материи, абсолютно ни при каких условиях не могущей стать одушевленной, — в равной мере есть умствующие понятия, то есть пустые. Паралогизм разрешается только благодаря понятию одушевленного тела, то есть такой материи, которая одушевлена.

Карл Ясперс сосредоточил все свое внимание на результатах тезисов антиномических ситуаций и антитезисов в их отдельности, в их изоляции друг от друга, в какой ситуации они действительно безрезультатны и ведут к пустым понятиям, к ничто. Но критическая мысль Канта заключается во взаимном ограничении абсолютности и тезисов, и антитезисов, а также получении трансцендентальных, правильно выведенных понятий, служащих безграничному росту могущества познающего разума. Ничто имеет у Канта еще и третий, действенно-прагматический, смысл, превращаясь из ничто в *нечто*.

Заслугой Канта Ясперс считает тот факт, что разум он не ограничивает одной теоретической функцией, а наделяет его еще и практической и ценностно-целевой функциями. В этих же двух последних своих ипостасях диалектическая природа разума из негативной становится положительной, из регулятивного разум обращается в конститутивный. И между теоретическим и практическим разумом якобы возникает вопиющее несогласие: результат антиномий как тупик, как ничто сменяется постулатами чистого практического разума. Этот результат истолковывается Ясперсом так, будто конститутивность практического разума обязана прорывом его к трансценденции, будто даруется практическому разуму Богом. Установка на этот разрыв и движет интерпретацией религиозного философа.

Стремление Карла Ясперса противопоставить «Критике чистого разума» две другие «Критики» на том основании, что она имеет дело с субъективной реальностью, миром явлений, а те имеют дело с реальностью объективной, с вещами в себе, дает ему возможность сделать вывод, что в философии Канта учение об антиномиях и антиномическом методе не согласуется с основополагающим вопросом всей гносеологии: как возможны синтетические суждения а priori? Антиномическая природа познающего разума обнаруживает в *идеях* как особых присущих ему понятиях отрица-

тельное начало — «негативную диалектику», которая преодолевается и превращается в позитивную в разуме практическом и художественно-эстетическом. Именно поэтому Ясперс и пишет, что «Кант мог бы начать свое сочинение и ввести читателя в его предмет гораздо драматичнее, чем начав его с вопроса: как возможны синтетические суждения a priori?» (Ясперс, 2014, с. 101). С точки зрения Ясперса, Кант должен был начать построение своей системы с вопроса «На что я смею надеяться? — Was darf ich hoffen?», а вовсе не с вопроса «Что я могу знать? — Was kann ich wissen?»

9. Трансцендентальная диалектика как метафизика

Трансцендентальная диалектика — это сфера деятельности *чистого разума*. Что же такое *чистый разум*? В чем заключается его чистота? Какой смысл вкладывал Кант в название своего главного труда — «Критика чистого разума»?

Формула эта как минимум двусмысленна, поскольку два разных значения скрыты в понятии *чистый разум*. Одно из них — это чистый разум рационализма, и критика его — это критическое развенчание этого чистого разума, оказывающегося в конечном итоге пустым, чистым от всякого содержания, отказывавшимся в итоге от самого себя. Второе значение — это чистый разум Кантова трансцендентализма, чистота которого относительна, так как он не в состоянии очиститься ни от результатов действительно опыта, ни от условий *опыта возможного*; и критика его — это критический анализ этих условий в их возможностях быть приведенными в систему с уже имеющимся действительным знанием. Он очищается только от *определенного предметного содержания*, но не от *предметного содержания вообще* и обязан быть критическим, то есть следить, не превращается ли он в чистый разум рационализма, из трансцендентального не становится ли трансцендентным. Не разрывая связей с возможным предметным содержанием вообще, чистый разум критицизма обладает эвристически-регулятивным потенциалом, сохраняя синтетическую силу, в отличие от чистого разума рационализма, утрачивающего даже и аналитические возможности.

Чистый разум рационализма может быть свободен от всякого чувственно-эмпирического содержания, абсолютно не иметь никаких связей с опытом ни в каком его (опыта) виде, ничем в своих действиях не детерминироваться, быть совершенно спонтанным. Такой разум признается догматической метафизикой, для Канта имеющей прежде всего вид лейбнице-вольфовской метафизики. Этот разум противостоит всему естественному миру и имеет дело только с надмирными идеальными сущностями. Для него граница между природным миром (физическим) и миром надприродным, сверхъестественным (*мета-физическим*), абсолютна. Никаких переходных состояний между ними нет и не может быть. А там, где такой переход предполагается, где явления рассматриваются как вещи в себе и, наоборот, вещи в себе рассматриваются в качестве явлений, в философскую теорию вводится парализующее ее противоречие, что Кант и показал в приложении «Об амфиболии рефлексивных понятий...» Поэтому догматическая метафизика имеет дело всего-навсего с тремя чистыми сущностями: *бессмертной душой, свободной волей и Богом*, по сути же дела — всего только с одним Богом, поскольку бессмертная душа и свободная воля — это его атрибуты. Чистые сущности этой метафизики *меоничны* (μρον — греч. *не сущее*), представляют собою только пустые — чистые — понятия, поня-

тия о *ничто*. И диалектика, имеющая дело с ними, есть диалектика противоречия, а не противоположностей, трансцендентная диалектика, противостоящая трансцендентальной диалектике Канта.

Разумеется, три догматически метафизические сущности удержаться в своей полнейшей изоляции от всего природного мира не могут. Иначе какова же их роль? Был бы тогда хоть какой-то смысл в их существовании? Ведь ничто вечно останется ничем. Поэтому догматическая метафизика, изъяв эти сущности из *сотворенного* мира одной рукой, другой помещает их в этот мир. Для разума, руководящегося законами формальной логики, такая ситуация абсолютно не приемлема, не возможна, не постижима. И догматической метафизике остаются два выхода: или прятать нарушение логики с помощью различных софистических уловок и трюков, или вступать на путь откровенной мистики, отказывая разуму в разумности. Кант непосредственно имел дело с первым видом догматической метафизики, анализируя *паралогизм* чистого разума, вскрывая виды амфиболии рефлексивных понятий, когда приходилось рассматривать такие работы, как «Элевтерология» И. А. Г. Ульриха или Мендельсоновы «Утренние часы». Но и второй ее вид нужно было постоянно учитывать.

Догматической метафизике автор «Критики чистого разума» противопоставил новую метафизику, покоящуюся на трансцендентальной диалектике, — трансцендентальную метафизику. Догматическая метафизика имеет дело с двумя разнородными мирами: творящим и сотворенным, сверхъестественным и физическим, и, разделив единый мир подобным образом, она затем не знает, как их соединить вновь, так как порознь и тот, и другой ущербны и лишены смысла. Трансцендентальная же метафизика Канта — это метафизика единства, пронизываемого противоположностями, напрягаемого противоречиями и взрывающегося в катаклизмах, но и находящего согласие, подчиняющегося гармонии. Принцип материального единства мира был положен в основание всех метафизических исканий Канта еще в докритический период, когда только складывались предпосылки его системы; этот принцип стал краеугольным камнем системы трансцендентальной метафизики. Существование разумного субъекта в таком мире определяется и обеспечивается *имманентными* его (мира) свойствами; дуализм субъекта и объекта подчинен трансцендентальной диалектике, неизменно венчающейся *разрешением антиномий*.

Выход за пределы естественного мира, осуществляемого догматической метафизикой, — операция умозрительно-иллюзорная, и поэтому, показывает Кант, приводит к пустым ноуменальным понятиям и умственным действиям с ними. В отличие от нее трансцендентальная метафизика, оперируя понятиями-ноуменами, критически испытывает их на содержательность, стремится обнаружить возможность их вступления в системную связь со знаниями, базирующимися на опыте и имеющими выход к эмпирической реальности, отбраковывая пустые ноумены от содержательных. Предельно пустые понятия — это понятия, предмет которых есть *ничто*. И ноумены догматической метафизики предельно чисты и пусты, поскольку соответствуют ничто в первом и втором смыслах. Кант же заботится о том, что если ноумены его метафизики и представляют *ничто*, то в третьем смысле. Примером может быть и *инерция*, и *абсолютно черное тело* и прочие аналогичные понятия — идеализации. Они хотя и пусты, но служат познанию мира: нужно лишь в надлежащем случае воспользоваться проце-

дурой элиминации абстракций. В области метафизики необходимо пользоваться понятием *ничто* во всех его смыслах, но важно их различать, чтобы не иметь дело с пустотой, не толочь воду в ступе.

Ранее я уже писал, что трансцендентальную диалектику можно определить как логическое искусство оперирования ноуменами с целью получения нового знания. Это искусство требует предостерегать от вполне возможного попадания в ситуации амфиболий и паралогизмов, а в случае обнажения антиномий требует логически умелого их разрешения.

Для метафизики, опирающейся на принцип единства мира, ситуация *телеологического акта* возникновения субъекта, всегда относительно случайного, связана с присутствием в мире разнообразия модальностей. Относительно субъекта мир а priori делится на действительный мир (это факторы, причинно определившие его возникновение и существование) и мир возможный (внешние и влияющие на эти факторы обстоятельства, их поддерживающие или уничтожающие, что, конечно, сказывается и на положении субъекта). Возможный мир — это область целей и ценностей более отдаленного и высокого порядка, нежели действительные, то есть обыденные и привычные, ценности. Он с необходимостью гипотетичен, следовательно диалектичен и требует участия разума в своем познании.

Естественно, что Кант дополняет мир действительного опыта как чувственно-рассудочный миром опыта возможного, познание которого уже недостижимо без участия разума; и в целом это единый мир — *мир всего возможного опыта*, так как действительный мир тем самым и возможен. Это и есть кардинальное метафизическое понятие в философской системе Канта, являющееся базисом всех ее элементов. Его система — это трансцендентальная антропология, представляющая онтологию бытия человечества в качестве процесса конституирования природного антропоморфного мира явлений из возможностей, представляемых миром вещей в себе.

10. Трансцендентальная метафизика как философская антропология (Заключение)

Что «Критика чистого разума» никак не исчерпывается гносеологией, а заключает в себе принципы философской системы как целого, свидетельствуют знаменитые вопросы из «Канона чистого разума». А точка зрения «Канона» становится определяющей для «Пролегоменов»: процесс познания — лишь средство, обеспечивающее возможность разумного существования в мире (то есть свободной постановки целей, вплоть до конечной, и практической их реализации) *проявлять* антропоморфноподобные вещи и отношения вещей в себе, поскольку возможности мира самого по себе безграничны. Трансцендентальная метафизика — это «символический антропоморфизм» (Кант, 1965, с. 181), противостоящий антропоморфизму *догматическому*. В «Предисловии» к «Пролегоменам» Кант специально подчеркивает, что «чистый разум есть такая обособленная и внутри себя самой столь связанная сфера, что нельзя тронуть ни одной ее части, не коснувшись всех прочих, и нельзя ничего достигнуть, не определив сначала для каждой части ее места и ее влияния на другие... и как в строении органического тела, так и тут назначение каждого отдельного члена может быть выведено только из полного понятия целого» (Кант, 1965, с. 77). А это означает, что

понять, как возможны синтетические суждения *a priori*, можно лишь при наличии возможности ставить цели в их свободе, однако при условии возможности их практической воплощаемости.

По-моему, очень важно, что лекции Канта по метафизике — это лекции по трансцендентальной метафизике, и, хотя в общей структуре их Кант ориентировался на компендиум Баумгартена, действительный их ориентир — «Критика чистого разума». В лекционных курсах с начала их чтения в качестве приват-доцента, а затем профессора Кант обсуждал и разрабатывал те проблемы, которые ее составляют. Во-первых, обращает на себя внимание очень сокращенный, а часто просто опускаемый раздел *теологии*. Когда он есть, это всего пересчитываемые на пальцах одной руки страницы, содержащие возражения рациональной теологии. Для автора «Религии в пределах только разума» философия религии не может обладать самостоятельностью, ее вопросы исчерпываются теоретической и, главным образом, практической философией. Во-вторых, Кант, по сути дела, объединяет разделы *онтологии* и *космологии* в один. Об этом свидетельствует тот факт, что если в читаемом курсе присутствует достаточно обширный раздел онтологии, то в итоге сокращается космология, и наоборот. Часто раздел онтологии просто отсутствует, в сокращенном же разделе речь идет об *аналитике понятий*. В-третьих, во всех прочитанных курсах основное внимание уделяется разделу *психология*. Это самый обширный, можно сказать, основной раздел читаемого Кантом курса лекций по метафизике.

Все эти особенности определяют интенциями Канта в этом курсе. *Трансцендентальная метафизика* рассматривает вопрос об отношении субъекта (человечества) и объекта (природного мира самого по себе), и, поскольку философ руководится традицией, проблематика субъекта попадает в психологию, а объекта — в *онто-космологию*. Генерализующие вопросы трансцендентальной метафизики: что такое человек? какова природа человека, в чем специфика его бытия? — Ответ на них заключает в себе цель; условия же бытования такой природы — это вопрос о средствах для данной цели: как возможно такое чудо, что в мире существует человек, существуют *разумные существа*?

«Критикой чистого разума» даны основы ответов на эти вопросы, создан базис разумного философствования, почему она и служит как оселок, способный выправить любые философские *шероховатости*.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3
2. Кант И. О вопросе, предложенном на премию Королевской берлинской академии наук в 1791 году: какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? // Там же. М., 1966. Т. 5.
3. Кант И. Прологомены... // Там же. М., 1965. Т. 4.
4. Ясперс К. Кант: жизнь, труды, влияние. М., 2014.

Об авторе

Леонард Александрович Калинин — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, kant@kantiana.ru

SYSTEMATICITY OF THE CRITIQUE OF PURE REASON
AND KANT'S SYSTEM (IV)

L. Kalinnikov

This article concludes the analysis of systematicity of the Critique of Pure Reason — the work that underlies the entire system created by the great Königsberg philosopher. The author considers the role of transcendental dialectic (it accounts for more than half of the book) in Kant's methodology of science and the system of criticism. In the context of traditional epistemological theories, it was an entirely new instalment supplementing these theories and understanding knowledge as a continuous process undergoing scientific revolutions. Constructing synthetic a priori judgements requires leaving the extant knowledge for the realm of possible experience, where reason is faced with antinomies. The author provides a critical examination of Karl Jaspers' ideas about the cognising abilities of transcendental dialectical reason.

It is stressed that transcendental dialectic ensures the system integrity of Kant's philosophy, making it possible to construct a transcendental philosophy going beyond both vulgar mechanistic empiricism and transcendental dogmatism.

Key words: *transcendental dialectic, transcendental dogmatism, empirical immanent scepticism, antinomy, transcendentalism, Jasper's interpretation of the supersensible, transcendental unity of the world.*

References

1. Kant, I. 1964, *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason] in: Kant, I. *Sobranie sochineniy v 6 t.* [Works in 6 volumes], Moscow, vol. 3.
2. Kant, I. 1966, *O voprose, predlozhenom na premiyu korolevskoy berlinskoy akademii nauk v 1791 godu: kakie deystvitelnyye uspehi sdelala metafizika v Germanii so vremeni Leybnitsa i Volfa?* [What Real Progress Has Metaphysics Made in Germany Since the Time of Leibniz and Wolff?] in: Kant, I. *Sobranie sochineniy v 6 t.* [Works in 6 volumes], vol. 6, Moscow.
3. Kant, I. 1965, *Prolegomeny...* [Prolegomena...], in Kant, I. *Sobranie sochineniy v 6 t.* [Works in 6 volumes], Moscow, vol. 5.
4. Jaspers, K. 2014, *Kant: zhizn', trudy, vlijanie.* [Kant], M., 2014.

About the author

Prof. Leonard Kalinnikov, Department of Philosophy, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, kant@kantiana.ru